

ИДТИ НАВСТРЕЧУ ДРУГ ДРУГУ

Михаил Анисимов

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5 Бел
А 67

Анисимов, Михаил.

А 67 Идти навстречу друг другу: [текст]: / Михаил Анисимов –
Москва: Изд-во РОСА, 2019. – 52 с.

ISBN 978-5-6042391-4-8

Собранные под одной обложкой стихотворения и очерки Михаила Анисимова отражают увиденное и прочувствованное автором, прожитое и прошедшее через опыт работы в военной прокуратуре и ранимую душу поэта. Сегодняшние события будоражат память, которая возвращает к подвигам наших отцов и дедов, к истокам родной культуры, к традициям народа, величие которого в повседневной жизни по правде, по справедливости, по совести...

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5 Бел

ISBN 978-5-6042391-4-8

© Михаил Анисимов, текст, 2019
© Издательство РОСА, оформление, 2019

В колонне Бессмертного полка
9 мая 2018 года в селе Орлик

Ратное поле

*Погибшим в Курской битве воинам
посвящается*

И небо ясное, и чистый горизонт,
И не грозит никто мечом булатным.
А в сорок третьем проходил у нас тут фронт,
И поле в сводках называться стало ратным.

...Рвались армады танков на восток,
Сошлись с врагом дивизии под Курском.
Боец воды хотел испить глоток,
Из раны кровь сочилась алым сгустком.

Дымились танки с развороченной бронёй,
Отрывисто трещали трехлинейки.
А старики и вдовы с ребятнёй
Окопы рыли вдоль узкоколейки.

Полки атаковали в лоб врага,
За танками в атаку шла пехота.
Горели хаты, рощи и стога,
И закипал кожух у пулемёта.

Чтоб чёрный ворон над полями не кружил,
Стояли насмерть наши батальоны...
Об этом рассказал мне старожил,
Сединами, с годами, убелённый.

А подвиг воинов пусть славится в веках!
Пусть вечно звонница звонит на поле ратном...
Живые розы в траурных венках
Всем, перед кем в долгу мы неоплатном...

Возложение венков к воинскому мемориалу
9 мая 2018 года в селе Орлик

В Гремячем лесу тишина

*Памяти воинов
40 Армии Брянского фронта
и 21 Армии Юго-Западного фронта,
павших в боях под Старым Осколом
в июле 1942 года*

В лесу, что назвали Гремячим,
Сегодня кругом тишина.
В далёком июле горячем
Везде полыхала война.

Средь леса воронки, окопы,
Залитые вешней водой.
Здесь наши пехотные роты
Столкнулись с великой бедой.

В тяжёлые дни окруженья
Попали бойцы под обстрел.
И пали в жестоком сраженье,
И лес от разрывов горел.

За бой не вручили награды.
Теряла Отчизна сынов.
В трагедии не до парадов,
И не дают орденов...

... Никто и ничто не забыто.
Мы помним погибших солдат.
За воинов, в роще убитых,
Огнём отомстил Сталинград.

Последнее пристанище

«Враги сожгли родную хату...»

Михаил Исаковский

Они и хатам были рады,
Калеки огненных дорог.
Имели звания, награды,
А заслужили лишь острог.

Без рук, без ног бойцов отважных
Свезли на остров Валаам.
Далёкий стон Руси сермяжной
Хранит доныне древний храм...

Отзвуки войны

Я к сосновому бору
Прихожу по весне.
В эту дивную пору
Мысли все о войне.
Я заранее знаю:
Лес – глухая стена.
Без конца и без краю
Нынче там тишина.
Вот, засыпанный хвоей,
Одиночный окоп.
Может, здесь храбрый воин
Рухнул навзничь, как сноп.
Может, в этом окопе
Пулемёт замолчал...
Когда немцы шли скопом,
Тут боец их встречал.
Он, страну защищая,
Свою жизнь не сберёг.
За погибших отмщая,
В землю русскую лёг.
Ослеплённый закатом,
Я стою, как в огне.
Будто с павшим солдатом
Побывал на войне.

На митинге, посвящённом 74-й годовщине Великой Победы, у воинского мемориала в селе Орлик 9 мая 2019 года

Возложение венков к воинскому мемориалу
в селе Орлик 9 мая 2019 года

Там родники и храмы святы

Зовёт меня наш край чудесный,
Где небо – светлая лазурь,
Где зреет колос полновесный,
И нет песчаных пыльных бурь.

Вдыхать там буду запах мяты
И видеть отблески зарниц.
Там родники и храмы святы,
И я склонюсь пред ними ниц...

Я вернулся в край тихий, родимый

Я вернулся в край тихий, родимый,
Предо мной – перелески, поля,
Божий храм, прихожанами чтимый,
И постройки родного жилья.

Вот дубрава у старой дороги,
Слева – пруд и родник за мостом.
Поскорее размять надо ноги –
Луг раскинулся пёстрым холстом.

В травы росные брошусь с разбега,
И к ромашкам душистым прильну.
Позвоню своим братьям-коллегам, –
Наконец-то нашёл целину!

И пойду я пешком вдоль протоки,
Наслаждаясь мелодией птах.
Здесь и корни мои, и истоки,
И друзья-одногодки в летах!

Выйду из дому рано ...

Выйду из дому рано
В поле зорьку встречать,
Тишина возле стана,
И колосья молчат.

Только нивы родные,
Под горою ключи,
И дубы вековые,
С небосклона лучи.

Здесь и синее небо,
И начало дорог.
Запах мёда и хлеба,
И родимый порог.

И просёлки степные,
Уводящие вдаль,
И цветы полевые...
И на сердце печаль...

Выйду из дому рано
В поле зорьку встречать,
Тишина возле стана,
И колосья молчат.

М.К. Анисимов в гостях
у Владислава Мефодьевича Шаповалова
28 мая 2018 года в гор. Белгороде

Слово о наставнике

С Владиславом Мефодьевичем Шаповаловым, членом Союза писателей России, участником Великой Отечественной войны, Почётным гражданином Белгородской области, я познакомился в 2004 году.

После переезда на мою малую родину из Украины, я однажды зашёл в редакцию районной газеты «Приосколье», чтобы показать рукописи стихов. Тогда на слуху были белгородские книжные издательства «Везелица», «Крестьянское дело», но мне в редакции посоветовали обратиться к Владиславу Мефодьевичу Шаповалову именно как к издателю книг.

Поехал к нему в город Белгород. Ко мне Владислав Мефодьевич отнёсся по-отечески, сразу предложил опубликовать подборку стихотворений о войне в журнале «Звонница», главным редактором которого он является с 1997 года. Я согласился. А потом мы приступили к работе над моим первым поэтическим сборником.

Благодаря исключительно Владиславу Мефодьевичу Шаповалову, появилась на свет книга «Трудная дорога» и Владислав Мефодьевич стал моим «крёстным отцом» в литературе, за что я благодарен судьбе и этому человеку.

Низкий поклон ему, талантливому писателю, публицисту и издателю, ветерану-фронтовику, прошедшему горнило испытаний на полях сражений Великой Отечественной войны.

Мое сотрудничество с журналом «Звонница» продолжается до сих пор...

Идти навстречу друг другу...

Случилось это зимой, на трассе Колыма, в 1984 году. Мы выехали из посёлка Ягодное в город Сусуман на автомобиле «Волга» ГАЗ-24. Автомобиль этот не для поездок в зимнее время по северным трассам, но так вышло. Поднялись на последний перевал, до Сусумана оставалось несколько километров пути. И вдруг на перевале мотор заглох. Мы вышли из машины, сгрудились возле поднятого капота, пытаясь хоть чем-то помочь водителю, человеку не военному, гражданскому.

– Нужен трос, если не стащат с перевала, замёрзнем, – огорчённо выдавил из себя шофёр.

На перевале пронизывающий ледяной ветер быстро охладил двигатель до минусовой температуры. Рации нет, темнота и никаких перспектив. Внезапно возник свет фар встречной автомашины. Подъехала гружёная «татра», водитель сразу пригласил нас в кабину, подал термос с горячим кофе, а сам пошёл помогать нашему шофёру. Но двигатель не запускался. Тогда незнакомый шофёр быстро развернул свою машину, водители подцепили трос к «Волге», и мы благополучно съехали с перевала, где нас на въезде в Сусуман уже ожидал на УАЗике, обеспокоенный задержкой, начальник гарнизона.

Поблагодарив водителя «татры», я спросил, не нарушили ли мы его планы.

– Нет, так у нас на «северах» заведено – сам могу попасть в аналогичную ситуацию, – ответил мне незнакомый водитель.

Я пожелал ему счастливого пути, и больше мы никогда не встречались.

Прошло 10 лет. Возвращаясь в 1994 году из Украины домой, в Россию, поздним октябрьским вечером на трассе Белгород – Чернянка у меня кончилось топливо в бензобаке. До райцентра 10 километров, вблизи лес и тишина.

Выставил на дорогу рядом с автомобилем пустую канистру, поставил аварийный знак, жду помощи. Бензин тогда был на заправках редко, потому и попал в неприятную ситуацию. Стемнело окончательно. Редкие попутные машины, завидев меня с поднятой рукой, резко увеличивали скорость. Время было такое.

Чтобы не замёрзнуть, надел армейский бушлат и простоял у машины до пяти часов утра. И вдруг встречный «Москвич», проехав мимо меня метров на 100, остановился, и задним ходом подъехал ко мне. Узнав причину моей остановки, водитель «Москвича» откачал мне из своего бака четыре литра бензина и, не взяв за бензин денег, пожелал мне счастливого пути...

Поездка в столицу

После начала денежной реформы 1961 года я, четырнадцатилетний пацан, поехал 3 января 1961 года на зимние каникулы с бабушкой в столицу – в город Москву, чтобы там проведать её родного брата, проживавшего в Волоколамском районе Московской области. Поезд доставил нас на Павелецкий вокзал, и мы с вещами вышли на привокзальную площадь. Надо было решить, как добраться до метро «Рижская», поскольку в Москву мы приехали впервые и совершенно не ориентировались в этом большом городе. Не успел я и глазом моргнуть, как ко мне подошёл шустрый мужичок и спросил:

– Куда путь держите?

Я честно сказал:

– Метро Рижская.

– Я вам помогу, – ответил скороговоркой шустрячок и, взяв чемодан из рук бабушки, увлёк нас за собой в метро.

С двумя сумками в руках я устремился за ним, бабушка поспешала следом. Спустились по эскалатору в метро, прошли по переходу и вскоре оказались на месте, у Рижского вокзала. Бабушка, обрадовавшись такой быстрой поездкой в метро, спросила у нашего «благодетеля», что с нас причитается «за услугу»?

Мужичок без зазрения совести сказал:

– Трёшник.

Бабушка была просто обескуражена: за три рубля, или за 30 рублей в старых деньгах, в деревне надо было месяц работать в колхозе, а тут за полчаса «лёгкого труда» – отдай столько же и не грши.

«Хорошо устроились, москвичи», – подумал я, и подал мужику три рубля по одному рублю новыми хрустящими купюрами...

В электричке, в пути следования из Москвы до станции Чисмена, попутчик в разговоре со мной с усмешкой поведал, что за три рубля мы могли спокойно доехать от Павелецкого вокзала к Рижскому на такси...

Век живи – век учись!

Знакомство с творчеством Владимира Высоцкого

До 1965 года я о творчестве Владимира Высоцкого ничего не знал. А в 1965 году я поступил в Московский государственный университет на юридический факультет. В 60-е годы у Владимира Высоцкого были друзья в студенческом доме культуры МГУ, и он иногда приезжал в университет, в главное здание МГУ на Ленинских горах, и пел свои песни в ДК и в аудиториях.

На первом курсе мы жили в общежитии на Ломоносовском проспекте, рядом с улицей Мосфильмовской. Тогда на «Мосфильме» снимали «Анну Каренину». Напротив нашего общежития рабочие киностудии поставили бутафорский вокзал. На съёмки прибыли режиссёр, оператор, осветители, актёры с массовкой, подогнали состав с паровозом – кино! Спустя некоторое время в Москву приехала группа «Беларусьфильма» на съёмки кинокартины «1000 окон» – имелся в виду МГУ. Снова массовка (три рубля платили), помощник режиссёра по массовке (в фильме он попал в кадр) жил в нашем общежитии на втором этаже; там же, в выделенной ему комнате, он отбирал нас для участия в съёмках. Меня он тоже пригласил сниматься, я с ним познакомился. Съёмки проходили как возле главного здания МГУ, так и внутри него. Машина киностудии всегда стояла под окнами общежития.

Однажды, проходя мимо, я услышал из этой машины гитарный перезвон и хриловатый голос: «Не пиши мне про любовь – не поверю я...» Поскольку помощника режиссёра я уже знал, то поздоровался с ним и спросил:

– Кто это поёт?

Он мне ответил:

– Высоцкий с Таганки.

В театр на Таганке я тогда не ходил, Высоцкого на сцене не видел и голос его не слышал. А в то время радиолюбители с помощью приставок к радиоприёмникам и радиоламп крутили на средних волнах по городам и весям страны рок-н-ролл, буги-вуги, дворовые песни, и как определить, кто исполнитель? Но когда я услышал от помощника режиссёра, что поёт актёр, то подумал, что песня из спектакля. Сам в художественной самодеятельности частенько пел песни под баян. И я, не дослушав песню до конца, пошёл по своим делам, как-то не зацепило.

Когда на втором курсе мы перешли жить в главный корпус МГУ на Ленинских горах, то я купил себе катушечный магнитофон «Айдас» и стал переписывать у друзей записи всех известных в студенческой среде песен. Записи были плохого качества, иногда и слова было трудно разобрать. Помню, переписал «Над Канадой» Александра Городницкого, «Если я заболею» Ярослава Смелякова, «Охотный ряд» Юрия Визбора и четыре песни Владимира Высоцкого из кинофильма «Вертикаль»: «Песня о друге», «Здесь вам не равнина», «Военная песня», «Прощание с горами». Другие песни Владимира Высоцкого я тогда не переписывал по понятной причине, но записи этих песен слушал: «На нейтральной полосе», «Про Серёжку Фомина», «Лукоморья больше нет», «В заповедных и дремучих...», «Красное, зелёное», «У тебя глаза – как нож», «Наводчица», «Про уголовный кодекс», «Что же ты, зараза, бровь себе подбрила...», и т.д.

Как-то в лифтовом холле нашей зоны «Б» я увидел на стенде для объявлений фото выступления Владимира Высоцкого в аудитории МГУ: у микрофона Высоцкий с гитарой, а на полу катушечные магнитофоны расставлены. После проката фильма «Вертикаль» все мы Высоцкого уже знали в лицо. Актёр тогда на своих выступлениях разрешал студентам записывать его песни. И никому в голову не приходило забрать фотографию Высоцкого себе на память; эти фото никто не трогал, и они долго оставались на стенде.

Но популярность Высоцкого росла, и начался настоящий ажиотаж по поиску и распространению записей его песен, поскольку стихи не печатались, а виниловые пластинки с песнями из кинофильма «Вертикаль» слушателей уже не удовлетворяли. Как с грустью говорил сам Владимир Семёнович: «Если бы 150 лет назад были магнитофоны, – возможно, какие-нибудь стихи Александра Сергеевича тоже были бы записаны только на магнитофоны».

После того, как Высоцкий спел песню, написанную в 1965 году, посвящённую своему другу Игорю Кохановскому «Мой друг уедет в Магадан», её часто переписывали поклонники творчества Владимира Семёновича, или Володи, как он сам просил его называть. И когда я проходил службу в Магадане, то там эта песня звучала и днём, и ночью из каждого окна.

Мой друг уедет в Магадан –
Снимите шляпу, снимите шляпу!
Уедет сам, уедет сам –
Не по этапу, не по этапу...

Переписал и я эту песню на свой магнитофон. А уж в Одессе, куда меня перевели служить, Высоцкого не только знали по его песням, но и помнили по участию в съёмках фильмов «Опасные гастроли», «Короткие встречи», «Место встречи изменить нельзя», в которых он исполнял роли главных героев. И кассеты с записями его песен уже можно было свободно найти и переписать, что я и делал.

...На период Московской олимпиады 1980 года вышел приказ министра обороны СССР, запрещающий откомандировывать в Москву военнослужащих до её окончания, и проститься с умершим 25 июля 1980 года Владимиром Семёновичем Высоцким никто из моих друзей-офицеров, проходивших службу далеко от Москвы, не смог.

Вот такая история.

Перемещение по службе

Май 1971 года выдался по-настоящему тёплым, весна вступила в свои права. Хотелось погулять по весеннему лесу, который плотной стеной подступал к нашей воинской части. Солдаты моего взвода несли караульную службу, остальные занимались по распорядку дня. Я находился в канцелярии батареи, когда поступил звонок от дежурного

по части: немедленно прибыть в штаб. Не понимая причины столь срочного вызова, по пути в штаб мысленно прокручивал в памяти события минувшей ночи. Нет, в карауле всё прошло без происшествий, по поведению солдат взвода в казарме тоже никаких замечаний от командира батареи не было. Дежурный по части майор Гришачёв, с которым у меня сложились дружеские отношения, указал на дверь кабинета на первом этаже штаба и тихо произнёс:

– Военный прокурор ждёт.

На душе сразу отлегло: в соседнем подразделении между солдатами строительной роты накануне произошёл конфликт в столовой, который явно тянул на неуставные взаимоотношения – старослужащий солдат умышленно опрокинул на голову молодого солдата бачок с кашей. Я зашёл в кабинет и представился седому подполковнику с эмблемами военного юриста, который, сидя за столом, рассматривал какие-то бумаги и курил. Подполковник назвал себя военным прокурором гарнизона и, не давая мне опомниться, спросил:

– Это правда, что вы имеете высшее юридическое образование?

– Так точно, окончил юридический факультет МГУ, – по военному отрапортовал я.

– У меня следователей не хватает, а вы сидите здесь с взводом солдат, почему?

– На военной кафедре готовили командиров мотострелковых взводов, – коротко отчеканил я.

– Хотите служить в военной прокуратуре?

Здесь позволю небольшое отступление от излагаемых событий. Недели за две до вызова к военному прокурору другой подполковник, но из особого отдела гарнизона, проводил со мной ознакомительную беседу на предмет откомандирования меня для прохождения дальнейшей службы в КГБ СССР и направления меня на учёбу в соответствующую школу, но я наотрез отказался, чем вызвал недовольство у нашего капитана из особого отдела, который

присутствовал при проведении беседы в кабинете своего начальника. А потому я, не раздумывая, согласился служить в военной прокуратуре и тут же подал рапорт по команде. Военный прокурор уехал, пообещав решить кадровый вопрос в течение недели.

В Главной военной прокуратуре, к моему искреннему удивлению, слов на ветер не бросали, и буквально через полмесяца я был откомандирован из части в распоряжение Главного военного прокурора и назначен на должность военного следователя военной прокуратуры одного из гарнизонов Московского военного округа. Впереди были годы тяжёлой, но интересной и ответственной службы в правоохранительных органах...

На Крайнем Севере

На дворе стоял январь 1982 года. 12 лет моей службы в Вооружённых Силах СССР прошли в партизанском крае, на Брянщине. Исходя из многих обстоятельств службы, в том числе и учитывая недостаточную выслугу лет (военная кафедра тогда в срок службы не засчитывалась), я подал рапорт по команде об откомандировании меня для прохождения дальнейшей службы в районы Крайнего Севера, где год службы засчитывался за два. Мне был предложен Магадан, и в начале июня 1982 года поступил приказ об откомандировании меня из Московского военного округа в распоряжение Командующего Дальневосточным военным округом. Впереди меня ждал суровый Север, как минимум, на три года.

24 июня 1982 года я выехал из Брянска поездом до Москвы, а затем из аэропорта Домодедово на ИЛ-62 вылетел в Магадан. Восемь часов полёта прошли в томительном ожидании. Уже на подлёте к Магадану самолёт взял курс на запасной аэродром Анадыря. Из кабины вышел пилот и, по-

сколько я сидел в кресле первого ряда от кабины лётчиков, то он сказал мне, что в Магадане нелётная погода.

Только через два часа самолёт совершил посадку в аэропорту Анадыря. Ещё в иллюминатор я увидел заснеженные сопки и пожухлый олений мох – ягель на земле, за бортом лайнера. Первыми в салон фюзеляжа самолёта зашли пограничники, одетые в шинели. В здании аэропорта было холодно и неудобно. В буфете – довольно скудный выбор закусок и напитков, но была копчёная красная рыба.

Задержка вылета длилась двенадцать часов, и мы снова в воздухе. Наконец, приземление в аэропорту Магадана. Когда я увидел зелёные лиственницы у здания аэропорта, сразу приободрился – на Колыме стояло короткое лето.

Первая неделя прошла в вынужденной акклиматизации, мой организм приспособивался к новому климату: днём и ночью было светло, хотелось постоянно спать... Но это обычное явление для всех прибывающих на Крайний Север.

Добираясь до Магадана, я ещё в поезде «Брянск-Москва» сочинил небольшое стихотворение «Я на годы покинул родной уголок». Тогда это был уже не первый мой перевод к новому месту службы. А затем, на Колыме и Чукотке, я написал цикл стихотворений, вошедших в поэтический сборник «Северное сияние». Так рождались стихи.

Я на годы покинул родной уголок

Я на годы покинул родной уголок,
Под стальной перестук засыпаю.
Мчусь я в синюю даль от молвы и от склок,
Захотелось бродить по припаю.
Наяву и во снах я не в силах унять
Холодящую сердце тревогу.
Лишь успел на прощание друга обнять,
И с котомкою снова в дорогу...

Привычный маршрут

В условиях Крайнего Севера командирские занятия и учебно-сборовые мероприятия с офицерами запаса, проживающими на бескрайних дальневосточных просторах, организовывать и проводить было архи сложно: как говорится, девять месяцев зима, остальные – лето.

Оборудованные войсковые стрельбища в районах Колымы и Чукотки по пальцам перечесть можно, поэтому командованием Дальневосточного военного округа было принято решение проводить сборы офицеров запаса на войсковых полигонах Дальнего Востока в период учений, как плановых, так и внезапных, куда доставлять их самолётами.

В 1984 году такой приказ в Магаданскую область поступил в феврале. На Колыме это период пурги и лютых морозов. Оповестить и собрать на сборный пункт офицеров в назначенное время было несложно – бомжей среди нашего контингента не было, люди имели постоянные места проживания и работы, все с высшим или средним специальным образованием. А дальше действовали, исходя из количества призываемых на сборы офицеров запаса, военно-учётных специальностей и сроков прибытия в пункт назначения.

Сразу после получения сигнала о призыве на сборы в Магаданском аэропорту был зафрахтован самолёт.

Чтобы не создавалась неразбериха, прибывающих офицеров разбивали на отдельные команды, состоящие из мотострелков, артиллеристов, танкистов, связистов и т.д.

Некоторые из них уже пропустили по маленькой для сугреву ещё до прибытия в аэропорт, а кто-то взял с собой заветную бутылочку в дорогу.

У всех было приподнятое настроение: одни предвкушали снова окунуться в армейский быт: построения, марши, стрельбы, оценка результатов.

Другим просто хотелось на время отойти от бытовых проблем. А уж перелётами на «северах» никого не удивишь: Магадан – Хабаровск – привычный маршрут...

...До вылета оставалось не более часа. Офицеры запаса, призванные на сборы, спецконтроль прошли без особых приключений: весь винно-водочный запас у пассажиров был изъят, и началась посадка в самолёт ТУ-154, вылетающий рейсом Магадан – Хабаровск.

Двухчасовой перелёт запомнился, как короткое мгновение, и мы в Хабаровске.

Город встретил нас пронизывающим ледяным ветром, отчего двадцатиградусный мороз показался колымским, тридцатиградусным. Быстро добрались на выделенных автобусах на железнодорожный вокзал, разместились в плацкартном вагоне, и в путь, до станции Биробиджан.

На конечную станцию прибыли часов в семь утра и без раскачки на вездеходах выехали в район учений.

До нашего прибытия палатки на полигоне уже были утеплены лапником, обвалованы снегом, внутри горели печки-буржуйки. Это постарались отцы-командиры воинской части, куда мы прибыли для пополнения и боевого слаживания. Обмундирование офицерам выдали по сезону: армейские полушубки, валенки, меховые шапки-ушанки и полевую форму. Оружие и боеприпасы получили на пункте боепитания.

Учения продолжались пять дней. За это время ни одного несчастного случая не произошло; не было даже лёгких обморожений, что вполне допустимо в условиях зимы...

На обратном пути спели песню романтиков Севера «Колымский маршрут», на слова Михаила Анисимова.

Мы с другом катим в Сусуман,
Я не цитирую роман,

Я говорю не о ГУЛАГе.
Приятель – старый мариман,
Решил набить себе карман
В тайге, на драге.
Хоть друг – романтик и аскет,
И заслужил свой партбилет,
А жил без фарту.
Нажил диагнозов букет,
Но не свалился в лазарет –
Судьбу на карту!
Стемнело. Движемся вперёд,
То не беда, что гололёд,
Зато нет смога.
И снова другу не везёт –
Карданный вал по днищу бьёт,
Нужна подмога.
Не торопись, дружок, в кресты,
Навстречу МАЗ везёт «хвосты»,
Спасай артельщиков, новатор!
У восемнадцатой версты
Золотоносные пласты
Вскрывает мощный экскаватор.
Оно и вправду – тесен мир,
У нас один ориентир –
Дерзай, коль молод!
Пьём кофе – жизни эликсир,
В кабине временный трактир
И зимний холод...
...Прошли последний перевал,
Держи уверенней штурвал,
Беде – отсрочка!
Коль не накрыл девятый вал,
Не перекрыл маршрут завал,
То надо выстоять. И точка!

1984 год, г. Магадан

Чукотский евражка

В середине апреля 1984 года я находился в служебной командировке в городе Анадыре – столице Чукотки.

С местным водителем мы выехали тогда на военном УАЗе в один из дальних гарнизонов, затерянных в сопках, за много километров от Анадыря.

По дороге я обратил внимание на незнакомых мне маленьких, рыжеватых зверьков, которые безбоязненно бежали по снегу вдоль зимней дороги.

Из любопытства спросил у водителя, что это за зверьки?

– Евражка, по-чукотски – иляк.

– И что, они такие непугливые всегда?

– Да, они не боятся людей и всё едят, можем дать им солдатский сухарик – слопают!

Я удивился, услышав это. Ведь похож на обычного степного суслика, но попробуйте-ка, увидев суслика в поле, рассмотреть его поближе – он мгновенно исчезнет. А эти нет.

И я попросил водителя рассказать мне, что он знает о евражке.

Видя, как я неотрывно рассматриваю этих маленьких забавных зверушек, водитель сообщил, что на Чукотке именно в апрельские дни, когда ещё повсюду лежит снег, евражки после долгой зимней спячки выбираются из норок и бегают вблизи своих жилищ.

Встретить их можно не только на бескрайних просторах тундры, но и вблизи селений, они совершенно не боятся человека. Свои норки они роют с многочисленными ходами, рыхлят почву, и местные жители очень любят этих резвых, пушистых зверьков.

За короткое лето евражка успевает вывести потомство и сделать запасы на зиму.

Зимой евражка впадает в норке в спячку, которая длится 8 месяцев, что соответствует местному изречению – девять месяцев зима, остальное – лето.

В природе у евражки врагов достаточно – это песцы, волки, полярная сова, но многочисленные подземные ходы помогают ему уходить от хищников.

Так в пути я узнал от водителя много нового о природе и животном мире Чукотки, и вскоре мы оказались в расположении танкового подразделения, куда я прибыл тогда впервые.

Меня сразу поразило то обстоятельство, что в глубоких снежных сугробах на территории воинской части везде были проделаны траншеи на уровне башни танка, к входам всех казарм и зданий штаба пристроены лёгкие щитовые тамбуры с навесными дверьми, без которых в пургу в ночное время невозможно было бы военнослужащим быстро покинуть помещение.

После проведения всех запланированных мероприятий мы с командиром подразделения прошли в солдатскую столовую. Питание соответствовало нормам северного пайка, в буфете в продаже были фрукты, сгущёнка, сладости.

Возвращались в Анадырь вечером, при свете фар, и увидеть ещё раз евражку мне уже не удалось.

На следующий день я улетел в посёлок Провидения, откуда из-за нелётной погоды не смог сразу возвратиться в Магадан. Как пошутил тогда мой начальник: если бы командировка была в посёлок Беринговский, мог там застрять на неделю и дольше из-за постоянной пурги. И это правда.

Вплоть до замены в Одесский военный округ я в Анадырь больше не летал и полюбившегося зверька-евражку, к сожалению, в природе уже не наблюдал. . .

О репрессиях и «голодоморе»

Начнём излагать события в исторической последовательности. Белгородская область, где я родился, граничит с территорией Украины. В нашем селе после революции было 130 дворов, 1000 жителей. В 1932 году мой дед купил у соседа-середняка Фёдора дом за зерно и едва не умер в 1933 году из-за голода. До самой смерти дед рассказывал, как дорого обошлась нашей семье покупка дома, который сохранился до наших дней. Если бы у деда государство отобрало всё зерно в заготовку, как бы он за хлеб, подчёркиваю, за заработанное зерно (пас домашних коров и овец), купил дом у соседа? Сосед, боясь раскулачивания, дом продал и переехал в другое место. А дом был новой постройки, из дубовых брёвен, тогда как бедняки строили хаты из вербы.

Раскулачили в селе одну семью – тоже наших соседей. Отобрали маслобойку, амбары, домашний скот. А эти «раскулаченные» с утра до ночи трудились в поле, кашу для детей варили так: большим на воде, а крохе – с молочком. Моя мама, 1918 года рождения, была старше этих детей, присматривала за ними в отсутствие их родителей и всё рассказала мне о тех событиях в 50-е годы. Сосед Иван Логачёв – глава и отец детей раскулаченной семьи, умер в ссылке, а его жена до смерти жила в деревне, вышла замуж и родила от другого мужа ещё двоих детей.

От голода в 1933 году в нашем селе умерло много жителей. Как рассказывали родители – умерших хоронить было некому, и это делали наиболее здоровые мужчины села. Вот такой был голод, который на Украине называли «голодомором», якобы целенаправленном уничтожении украинского народа. На это отвечу так: в нашем селе украинцы в 1932-1933 годах не жили, как не живут и сейчас, не считая переселенцев с Донбасса, переехавших оттуда в наш край после 2014 года.

Теперь о голоде 1946 года, когда я родился. В 1946 году случилась самая сильная, после 1891 года, засуха. Она началась с конца марта в Молдавии, потом захватила юго-за-

падные области Украины, Центрально-Чернозёмную зону и дальше до Урала и продолжалась более четырёх месяцев. Сумма осадков составила менее 50% годовой нормы, в иных местах – ещё меньше. Эта засуха была самой беспощадной и губительной, нанесла огромный ущерб. Во многих местах полностью погиб урожай. Люди голодали и умирали от отсутствия пищи, животные погибали от бескормицы. Жара стояла выше + 40°. Наша семья, с Божьей помощью, выжила, но дед едва не помер, наевшись колосьев ржи молочно-восковой спелости.

Росказни пана Ющенко и других деятелей из Украины о «голодоморе» – вымысел. Для нас, русских людей, в СССР было всё едино: и голодали, и воевали, и умирали, не делили народ по национальностям, а как жили люди в других республиках – пускай местные жители и расскажут, всё можно проверить по архивам...

Исторический ракурс

Осенью 2018 года на Украине, в 10 областях, в большинстве своём граничащих с Российской Федерацией, было введено военное положение. Политологи, эксперты, телеведущие связывали эти чрезвычайные события с предвыборной компанией Порошенко, рейтинг которого был незначителен и проблематично было даже попадание во второй тур. Откуда появился на Украине сам Порошенко, уточнять не будем – мы интернационалисты. Расскажем о своём, близком и родном.

Я вырос на Белгородчине в послевоенное время, в небольшом селе. Вокруг были только колхозы, и наша молодёжь с шестнадцати лет старалась уехать на заработки туда, где были шахты или совхозы. Из нашего села и соседних сёл парни и девчата уезжали на торфоразработки в Ленинградскую область, на шахты Донбасса, в совхозы Луганской и Харьковской областей. Мой старший брат уехал в город

Бельцы Молдавской ССР учиться на механика холодильных установок, имея образование 10 классов. Там многие ребята женились, а девушки выходили замуж, появлялись дети. Брат взял в жёны молдаванку, двоюродная сестра вышла на Донбассе замуж за шахтёра. Мои родной дядя и троюродные сёстры и братья уехали в Днепропетровск и Запорожье, а выросший со мной в одной семье двоюродный брат – в Жданов.

В юности меня, гармониста, часто приглашали жители соседних сёл на свадьбы. Другой музыки, кроме гармошки, тогда на свадьбах не было. Бывало, кого только не встретишь среди приглашённых на эти семейные торжества: молодые женщины и мужчины из Красного Луча, Жданова (Мариуполя), Днепропетровска, Запорожья, совхозов Орджоникидзе (Луганская область) и Коненцово (Харьковская область), с шахты имени Ленина из города Луганска. К брату приезжали родственники его жены из города Оргеева, Молдавской ССР... В шуме и веселье свадебных застолий вперемешку с нашим говором слышалось «хиба нельзя, чи шо», «тихенько, бабуся», «друм бун» (счастливого пути)... Смех, радость...

В Харькове окончили ВУЗы и остались там жить и работать многие мои одноклассники – односельчане, где и проживают в настоящее время. Недавно двоюродная сестра переехала на постоянное жительство из города Луганска в Россию, в Белгородскую область, но там, на Украине, в Луганской и Харьковской областях, остались её дети и внуки. Мои троюродные сёстры живут и поныне в Днепропетровске и Запорожье с детьми и внуками. Племянники живут даже на занятой войсками Украины территории Донецкой области в городе Краматорске, и их могут призвать под ружьё. И что, по воле заокеанского дяди Сэма они придут убивать своего дядю? Читайте, что так думают многие мои односельчане, у которых ещё больше, чем у меня, родственников на Украине и на Донбассе.

Мир сошёл с ума... В сложившейся ситуации мы должны проявить выдержку и стойкость.

СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

Расследование закончить в месячный срок

В 70-е годы прошлого столетия, во время моей службы в должности военного следователя, военный прокурор гарнизона, участник Великой Отечественной войны, к нам, молодым военным следователям, относился по-отечески, внимательно выслушивал каждого, если возникали затруднения в расследовании уголовных дел, давал нужные советы. Но следователь по уголовно-процессуальному закону – фигура самостоятельная и за подсказкой за сотню километров от места проведения расследования к прокурору обратиться за помощью не всегда мог, а потому сам принимал нужные решения. Расскажу только об одном громком уголовном деле.

Однажды, когда я уже был старшим военным следователем, военный прокурор гарнизона вызвал меня в кабинет и передал сообщение из линейного отдела внутренних дел о том, что их сотрудники задержали двух рабочих воинской части с украденными тремя автоматами АКС. Случай в советское время беспрецедентный: у нас в розыске из послевоенного времени значился только один утраченный в одной из воинских частей пистолет ТТ – и всё.

– Срочно выезжай в ЛОМ (линейный отдел милиции), возбуждай уголовное дело и проведи тщательное расследование, такого давно не случалось, – приказал мне военный прокурор гарнизона,

Захватив следственный портфель, я немедленно выехал на расследование этого ЧП. Прибыв в ЛОМ, я быстро забрал у сотрудника милиции протокол задержания подозреваемых, изъятые автоматы, вынес постановление о возбуждении уголовного дела и приступил к расследованию там же,

в помещении ЛОМ. Вызвав из камеры предварительного задержания (КПЗ) одного из похитителей, я сразу приступил к его допросу. Задержанный, не вдаваясь в детали, рассказал, что они вынесли автоматы из ремонтного цеха, спрятали в кустах, а затем незаметно вывезли с территории части – артиллерийской базы. Отстреливая автоматы для проверки работы их механизмов в овраге недалеко от села, не учли, что стрельба из автомата отличается по звуку от стрельбы из ружья, на чём и «погорели» – кто-то из сельских жителей сообщил в милицию, и их задержали. Опыт подобных допросов у меня уже был накоплен немалый, и я коротко, но жёстко напомнил допрашиваемому, что мною назначена полная инвентаризация всех хранящихся на складах воинской части автоматов и что лично буду присутствовать при вскрытии и осмотре каждого ящика с оружием в хранилищах части. Достав из мешка опечатанные милиционерами автоматы, я спросил, с какой целью они похитили оружие?

– Для баловства, – неуверенно ответил подозреваемый в хищении оружия.

– Это будете рассказывать своим знакомым, а мне ответьте конкретно: сколько всего вы похитили из воинской части оружия, для каких целей?

Этот вопрос я задал ему, чтобы выяснить конкретную цель похищения такого большого количества автоматов. Для «баловства» хватило бы и одного.

После небольшой паузы задержанный рабочий воинской части сообщил и собственноручно подписал следующие показания. Они с приятелем давно решили похитить из части оружие, замышляя в дальнейшем сколотить банду для ограблений магазинов и других заведений, где есть деньги и материальные ценности. Автоматы похитили из хранилища, куда проникли, выбив две доски пола. Воинская часть, где произошло хищение автоматов, располагалась в пойме

реки, и все деревянные постройки складов и хранилищ, для предотвращения затопления во время весеннего половодья ставились на высоких сваях – в метре от земли. Этим воры и воспользовались. Когда же я напомнил допрашиваемому, что чистосердечное признание смягчает вину, он сознался, что похитили они не три, а пять автоматов. Один автомат они положили на лафете орудия под брезентом в ангаре на территории воинской части, а ещё один автомат он лично отвёз в дом отца, проживающего в деревне, расположенной в нескольких километрах от воинской части, и спрятал в сундуке.

Видя такой поворот событий, я доложил о сложившейся ситуации военному прокурору, и, получив санкцию на обыск в ночное время в случае, не терпящем отлагательства, выехал в село для проведения обыска и изъятия похищенного автомата. Отец преступника, ошарашенный такой новостью, впустил нас в дом и, открыв деревянный сундук, обомлел, увидев на дне автомат, накрытый сверху бельём и разной одеждой.

Оформив протокол обыска и изъятия автомата, я убыл в расположение воинской части, где утром и был обнаружен последний из пяти похищенных автоматов в одном из ангаров на лафете артиллерийского орудия, накрытого брезентом.

В ходе следственного эксперимента с участием обоих обвиняемых в хищении оружия и тщательного осмотра хранилища, было установлено, что две доски в полу были действительно выбиты и не закреплены гвоздями изнутри, в двух указанных ворами ящиках в этом хранилище не доставало пяти автоматов, номера похищенных автоматов совпали с номерами на накладных, находящихся в осматриваемых ящиках. Накладные были изъяты и приобщены к уголовному делу. Все пять похищенных автоматов были

также приобщены к уголовному делу в качестве вещественных доказательств.

Проведенная в воинской части инвентаризация всего хранящегося там стрелкового оружия подтвердила отсутствие пяти автоматов АКС. Другое стрелковое оружие, хранящееся в воинской части, кроме пяти указанных автоматов АКС, оказалось в наличии.

Прибыв с изъятыми у преступников автоматами к военному прокурору, я получил санкцию на арест обоих подозреваемых, и сотрудники линейного отдела милиции из КПЗ отконвоировали задержанных в следственный изолятор. Расследование мною было закончено в месячный срок. Народным судом оба преступника были осуждены к длительным срокам лишения свободы.

В последующем случались и другие факты хищения оружия и боеприпасов из воинских частей, в ходе расследования этих преступлений преступники устанавливались, всё похищенное оружие и боеприпасы также возвращались в части и нераскрытых хищений в нашей военной прокуратуре не было.

Трагедия в карауле

Выезд военного следователя на место происшествия всегда осуществлялся немедленно после получения сообщения о совершённом преступлении и возбуждении уголовного дела.

Эта трагедия в карауле произошла в 1972 году. Меня вызвал военный прокурор гарнизона и передал сообщение командира одной из воинских частей о том, что в карауле автоматной очередью убит начальник караула, сержант срочной службы. Убийство совершил солдат из состава караула после смены часовых. По поручению военного прокурора я на служебном автомобиле немедленно выехал в эту воинскую часть. К моему прибытию тело убитого сержанта было отправлено в морг, а караул решением командира

воинской части был заменён другими военнослужащими. В сопровождении дежурного по части произвёл осмотр места происшествия. Начальник караула был убит после смены часовых в пятидесяти метрах от караульного помещения, на дороге, проходящей внутри охраняемого периметра воинской части. На песке обнаружено пятно бурого цвета, похожее на засохшую кровь, и пять стреляных гильз от автомата АК калибра 7,62 мм. Автомат, закреплённый за подозреваемым в убийстве солдатом, и стреляные гильзы были изъяты и приобщены к уголовному делу в качестве вещественных доказательств. После этого в морге был произведён осмотр трупа убитого сержанта с участием судебно-медицинского эксперта. На правом боку туловища имелись пять входных сквозных пулевых отверстий в виде цепочки, других повреждений на трупе не обнаружено. По заключению судебно-медицинской экспертизы смерть наступила от механического разрушения сердечной мышцы и отрыва аорты.

Картина произошедшего проявилась только после проведения допросов всех военнослужащих из состава караула и подозреваемого в убийстве солдата срочной службы, который был одного года призыва с убитым сержантом. Начальник караула, сержант срочной службы, после смены часовых на посту грубо нарушил свои обязанности, предусмотренные Уставом гарнизонной и караульной службы ВС СССР, и по дороге в караульное помещение затеял со своим подчинённым «игру» – «Стой, стрелять буду!», при этом оба направляли друг на друга заряженные автоматы, взяв оружие из положения «на ремень» в положение изготовления для стрельбы стоя. Рядовой, сменившийся с поста, снял автомат с предохранителя и, поставив флажок предохранителя на ведение автоматического огня, дослал патрон в патронник. После слов начальника караула: «Всё, пошли», – сержант взял свой автомат «на ремень» и направился в караульное помещение, а солдат, пытаясь разрядить автомат, случайно нажал на спусковой крючок. Прозвучала автоматная очередь, и сражённый пятью пулями начальник караула упал на

землю и скончался на месте. В карауле после случившегося началась паника, что и послужило основанием для замены всего состава караула...

В армии не случайно утвердилось изречение, что все Уставы «написаны кровью». Согласно действовавшего в то время Устава гарнизонной и караульной службы ВС СССР, ст.ст. 108, 109, оружие в карауле заряжается и разряжается только в строго отведённых местах, где установлены пулеулавливатели, при этом патрон в патронник не досылается. Начальник караула, вместо того, чтобы требовать от личного состава караула выполнения уставных требований, высокой бдительности и дисциплины, сам спровоцировал грубые нарушения требований Устава, что и привело к трагедии... В целях проверки показаний солдата, подозреваемого в убийстве, был проведен следственный эксперимент.

Выполнив все необходимые первоначальные следственные действия, я передал уголовное дело для окончательного расследования другому военному следователю, а сам, по поручению военного прокурора, выехал в другую воинскую часть для расследования хищения огнестрельного стрелкового оружия.

Следственный эксперимент

В работе военного следователя, в ряду проводимых следственных действий, особое место занимает следственный эксперимент. Он проводится в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, и следователь вправе воспроизвести действия, обстановку или иные обстоятельства совершённого преступления, при этом исключается опасность для здоровья участвующих в нём лиц.

Летом 1973 года на территории закрытого военного городка в одной из воинских частей военно-транспортной

авиации было совершено тяжкое преступление – тяжело ранен ножом рабочий Ташкентского авиационного завода, где тогда выпускались знаменитые самолёты АН-122 «Антей», прибывший в часть для обслуживания принятых с завода самолётов. Получив сообщение о чрезвычайном происшествии, я возбудил уголовное дело и немедленно выехал на место происшествия.

Прибыв в воинскую часть, сразу обратился к начальнику штаба с просьбой о выделении мне понятых, и приступил к расследованию. На месте выяснил, что группа рабочих Ташкентского авиационного завода в количестве пяти человек оказывала помощь авиационным техникам в обслуживании нового самолёта АН-122 «Антей». После проведения регламентных работ эти рабочие пригласили в свою компанию одного из авиационных техников – офицера в звании старший лейтенант, купили в продовольственном магазине на территории закрытого военного городка две трёхлитровые банки плодово-ягодного вина, названного в народе бормотухой, и под окнами общежития распивали это вино. Во время выпивки старший лейтенант имеющимся у него ножом-стилетом ранил в грудь одного из рабочих, которого скорая помощь увезла в больницу, где ему сделали сложную хирургическую операцию и он выжил. По заключению судебно-медицинской экспертизы потерпевшему было причинено тяжкое телесное повреждение, опасное для жизни.

В ходе допросов рабочих и старшего лейтенанта выяснилось, что никакой ссоры между ними не было, удар ножом был нанесён офицером беспричинно, из хулиганских побуждений, в состоянии сильного алкогольного опьянения. Нож-стилет мною был изъят и приобщён к делу в качестве вещественного доказательства. По заключению судебно-криминалистической экспертизы нож отнесён к холодному оружию.

Пытаясь уйти от ответственности за содеянное, старший лейтенант стал настаивать на том, что ранение он причинил потерпевшему случайно, толкнув его рукой, в которой держал нож-стилет. Чтобы опровергнуть эти заявления, я взял в криминалистической лаборатории управления внутренних дел манекен в форме человеческого корпуса из ткани, набитый ватой, и приступил к проведению следственного эксперимента на месте происшествия с участием старшего лейтенанта и понятых. Закрепив на земле в сидячем положении манекен, я, в целях безопасности, привязал к ножу-стилету прочную металлическую цепочку, свободный конец которой защёлкнул за бампер автомобиля УАЗ, после чего передал нож - стilet подозреваемому в совершении преступления старшему лейтенанту и в присутствии понятых попросил его показать, как он причинил ножевое ранение человеку. В течение нескольких минут старший лейтенант похлопывал боковой частью лезвия клинка ножа-стилета по туловищу манекена, но никакого проникновения лезвия в ткань манекена не происходило. Убедившись в бесполезности доказывания того, чего быть не может, старший лейтенант вынужден был с усилием пырнуть острием клинка ножа-стилета в ткань манекена, что было зафиксировано на фотоплёнку. Лезвие клинка ножа-стилета вошло в манекен на 8 сантиметров, что и требовалось доказать.

По делу, кроме судебно-медицинской экспертизы, была проведена и судебно-психиатрическая экспертиза обвиняемого в совершении преступления офицера, он был признан вменяемым и осужден военным судом к длительному сроку лишения свободы.

В адрес командира воинской части и начальнику военторга было внесено представление о причинах и условиях, способствовавших совершению этого тяжкого преступления, и недопустимости торговли крепкими спиртными напитками в трёхлитровых банках на вынос на территории закрытых военных городков.

Исследование микрочастиц

Криминалистические лаборатории, повсеместно открытые в областных управлениях внутренних дел в 70-е годы прошлого века, внесли огромный вклад в раскрытие многих преступлений, но возникла необходимость в создании единого научно-исследовательского института. В 1970 году, в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 июня № 634 «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов», было воссоздано Министерство юстиции СССР, и ЦНИИСЭ Юридической комиссии Совета министров РСФСР преобразован во Всесоюзный НИИ судебных экспертиз Министерства юстиции СССР (ВНИИСЭ). В 1972 году мне, тогда военному следователю, при расследовании уголовного дела о покушении на убийство, потребовалась помощь именно этого института.

...Получив сообщение от командира одной из воинских частей гарнизона о чрезвычайном происшествии – ножевом ранении военнослужащего срочной службы – сержанта, я выехал в отдалённый посёлок для расследования этого преступления. По прибытии в воинскую часть сразу установил, что событие произошло в летнем палаточном лагере, где разместили солдат одной из рот отдельного батальона аэродромно-технического обеспечения на время проведения ремонта казармы. Сержант был ранен ночью в палатке после отбоя, когда спал. Никаких внешних повреждений палатка не имела. Чтобы нанести удар, преступнику достаточно было приподнять брезент – кровать сержанта находилась у края палатки. На простыне имелись бурые пятна, похожие на кровь. Раненого сержанта ночью доставили в районную больницу с проникающим ножевым ранением грудной клетки, у него было повреждено лёгкое; от развившегося пневмоторакса он мог умереть, но врачи успели провести сложную операцию и спасли пострадавшего. Подозрение вызвал солдат из отделения сержанта, поскольку между ними сложились неприязненные отношения. Оба были первого года службы

и одного призыва, «дедовщина» исключалась. Но сержант был требовательным командиром отделения и никому поблажек не давал. При проведении допроса подозреваемого в совершении преступления солдата я обратил внимание на глубокий свежий порез большого пальца кисти правой руки. Солдат признался, что он хотел убить сержанта за повышенную требовательность, ударил его сонного в грудь лезвием ножниц. Когда наносил удар, то порезал себе палец. Лезвие ножниц выбросил в лесу у палаточного лагеря. Эта часть ножниц через полчаса была обнаружена мною в траве, там, где указал солдат, подозреваемый в совершении преступления. На вопрос, где он хранил это лезвие ножниц, солдат сообщил, что носил с собой в правом кармане брюк. Ручка найденной части ножниц была покрыта твёрдым веществом синего цвета, на котором имелись сколы и отслоения этого вещества, нанесённого на кольцо. Брюки и обнаруженная часть ножниц мною в присутствии понятых были изъяты, опечатаны и отправлены в вышеназванный научно-исследовательский институт на трасологическую экспертизу.

Исследование микрочастиц, выявленных в кармане брюк, показало их полную однородность с веществом, нанесённым на представленную на исследование ручку ножниц не только по составу вещества, но и по локализации микрочастиц с имеющимися сколами и углублениями на кольце ручки ножниц. Дальнейшее расследование проводилось до полного сбора и закрепления всех доказательств по данному уголовному делу: были проведены также судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертизы, выполнен ряд других следственных действия. Директору ВНИИСЭ было направлено представление о поощрении сотрудников, внесших весомый вклад в раскрытие особо тяжкого преступления и изобличения преступника

Преступник был осуждён военным судом к длительному сроку лишения свободы, а сержант после выписки из больницы и восстановления здоровья в военном госпитале продолжил военную службу.

Колонна Бессмертного полка
9 мая 2019 года в селе Орлик

М.К. Анисимов в колонне Бессмертного полка
9 мая 2019 года в селе Орлик

Ночной вызов

Сколько было ночных вызовов в моей следственной практике, сказать не могу – не считал. Такова специфика службы. Но на одном ночном вызове остановлюсь и опишу подробно.

Случилось это в 1973 году, когда я был назначен на должность старшего военного следователя военной прокуратуры гарнизона. К тому времени я уже был обеспечен жилой площадью – двухкомнатной квартирой, но телефона в квартире не было и это создавало много проблем, связанных с выездами на место происшествия в ночное время. По настойчивой просьбе военного прокурора телефон, наконец, в моей квартире установили. Кроме меня, ни у кого из военных следователей нашей военной прокуратуры домашних телефонов не было. Как объяснил в приватной беседе военный прокурор, он решил, что телефон должны установить в первую очередь именно мне. Ему нужен надёжный, исполнительный офицер, готовый в любую минуту дня и ночи выехать по вызову, при этом с улыбкой на лице произнёс известную поговорку: «Кто везёт, того и погоняют». Тогда я воспринял это, как доверие.

Не прошло и месяца, и вдруг, в три часа ночи, раздался телефонный звонок, и военный прокурор приказал мне немедленно выехать на место преступления – убийство женщины офицером одной из воинских частей. Машина за мной послана. Уголовное дело прокурор уже возбудил, моя задача принять дело к своему производству, выполнить неотложные следственные действия и передать ему материалы для направления по подследственности в военную прокуратуру, обслуживающую эту воинскую часть. Следователи из Москвы в воинскую часть выехали.

Через несколько минут я был в служебном автомобиле, и мы с водителем вскоре прибыли в указанную воинскую часть. Начальник штаба был явно потрясён чрезвычайным происшествием, понимая, что приезд военного следователя ничего хорошего не сулит. Я распорядился принести необхо-

димую документацию и выделить мне понятых, после чего сразу приступил к осмотру места происшествия.

Убийство произошло в здании общежития, в комнате, расположенной на втором этаже. Эту комнату занимал подозреваемый в убийстве офицер, который в момент убийства был дежурным по части. Офицер сразу был задержан и отправлен в КПЗ районного отдела милиции.

Прибывший сотрудник милиции сообщил мне, что офицер пьян, а женщина скончалась по пути в больницу, тело отправлено в морг. Начальник штаба принёс мне необходимую документацию дежурного по части, и мы зашли в комнату. На полу была лужа крови, в стекле форточки окна имелось повреждение, похожее на отверстие от пули. В луже крови обнаружена серьга из жёлтого металла. На столе в беспорядке валялись стаканы, пустые бутылки из-под водки и пива, закуска, окурки. В чайнике с водой был обнаружен пистолет ПМ, в обойме магазина недоставало двух патронов. Две стреляные гильзы от патронов к ПМ были обнаружены на полу комнаты. В полу имелось отверстие диаметром 9 мм, предположительно от пистолетной пули. По документам обнаруженный пистолет ПМ был закреплён за подозреваемым в убийстве офицером и выдан ему при заступлении на дежурство. Я попросил принести метровую металлическую проволоку толщиной не более 9 мм для определения угла вхождения пули в доску пола, угол составил 45 градусов. После этого рабочий воинской части выломал пробитую пулей доску, и под ней я обнаружил пулю от пистолета ПМ со следами нарезов канала ствола. Все обнаруженные на месте происшествия вещественные доказательства были изъяты и приобщены к уголовному делу.

Закончив осмотр места происшествия, я выехал в РОВД для проведения допроса офицера, подозреваемого в убийстве. На вопрос, что произошло, задержанный офицер, стар-

ший лейтенант, заявил, что он совершенно трезв, выстрел произвёл случайно, убитая – его сожительница. Выстрел был один. В момент выстрела они стояли лицом друг к другу. Показания явно противоречили результатам осмотра места происшествия, и чтобы не терять время и изобличить преступника, я вынес постановление о проведении освидетельствования задержанного и изъятии образцов крови и мочи для установления наличия алкоголя, после чего доставил задержанного в военный госпиталь. Исследование показало наличие алкоголя в крови задержанного 1,1 промилле, что соответствовало средней степени опьянения.

Повторный допрос задержанного офицера я проводил уже в присутствии военного прокурора, и мы выяснили следующую картину произошедшего. Как показал задержанный офицер, он самовольно ушёл с дежурства в общежитие к своей сожительнице. Распивал с ней спиртные напитки и, поссорившись, свалил её на пол и выстрелил из пистолета в голову. Второй выстрел произвёл после первого случайно, т.к. патрон был автоматически дослан в патронник пистолета, он нажал на спусковой крючок, и пуля ушла через оконное стекло, никого не задев. Судебно-медицинской экспертизой исследования трупа убитой женщины было установлено, что входное отверстие пули находилось в левой ушной раковине, выстрел был произведён в упор, пуля прошла через череп навылет. Смерть наступила в результате механического повреждения головного мозга.

Дальнейшее расследование проводилось прибывшими из Москвы военными следователями, преступник был осужден к длительному сроку лишения свободы.

На очередном служебном совещании военный прокурор гарнизона похвалил меня за профессиональное расследование убийства и добавил, что домашний телефон в моей квартире установлен своевременно и с пользой для общего дела.

Купите карабин

За время службы в военной прокуратуре случались происшествия, которые нельзя забыть.

Вот один из таких эпизодов. Случилось это в батальоне аэродромно-технического обеспечения, обслуживающего бомбардировочный авиационный полк в 1973 году.

Из поступившего сообщения стало известно, что солдат из караула батальона, охранявшего аэродром, находясь часовым на посту, самовольно покинул пост с карабином СКС и тремя обоймами по 10 патронов, его местонахождение неизвестно, в воинской части объявлена тревога и организованы поиски беглеца.

Возбудив уголовное дело по факту дезертирства с оружием, я выехал в воинскую часть.

Ещё на КПП этой воинской части мне сообщили, что солдат пойман и мне выделен автомобиль для выезда к месту задержания в село, расположенное в нескольких километрах от аэродрома.

Со мной выехал начальник штаба батальона и с ним два бойца, вооружённые карабинами СКС.

В селе уже поработала местная милиция и нам передали задержанного солдата, но без оружия. На вопрос, где карабин, солдат нечленораздельно ответил, что продал оружие и патроны деду за 10 рублей. Солдат был в сильной степени опьянения, и до вытрезвления начальник штаба батальона отправил его под охраной на гауптвахту.

Местные жители нам рассказали, что солдат заходил во многие дома, пока не продал карабин деду на краю села, после чего купил в магазине бутылку водки, закуску, выпил спиртное и уснул возле магазина, где и был задержан прибывшими работниками милиции.

80-летний старик, проживавший один в избе на краю села, добровольно выдал карабин СКС и патроны. Зачем он покупал у солдата боевое оружие, старик ничего вразумительного сказать не смог – страдал старческим склерозом. Оформив протокол выемки, я произвёл осмотр оружия и боеприпасов и приобщил изъятый карабин СКС и патроны к уголовному делу в качестве вещественных доказательств, поручив дознавателю передать оружие и подсумок с патронами в количестве 30 штук на хранение в оружейную комнату подразделения, в котором служил сбежавший солдат.

Прошло менее суток после самовольного оставления части военнослужащим срочной службы.

Из допросов командира подразделения и сослуживцев задержанного рядового стало понятно, что за полгода службы в воинской части солдат ничем себя не проявил, был необщителен, замкнут, часто подолгу смотрел в одну точку. Я принял решение направить задержанного на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу, которая вынесла решение о невменяемости военнослужащего с диагнозом «шизофрения».

В военный комиссариат по месту призыва сбежавшего военнослужащего было направлено представление об улучшении работы призывной комиссии и тщательном медицинском освидетельствовании призывников врачами-психиатрами

Уголовное дело мною было прекращено за отсутствием события преступления...

Расцветает родная сторонка

Расцветает родная сторонка,
Необъятное море полей.
Мне весною мелодией звонкой
Дарит радость певец соловей.

В перелесках, садах и дубравах,
В придорожных цветущих кустах,
И у речки в лекарственных травах
Льются трели божественных птах.

Даже пёстрых щеглов щебетанье
Не смолкает весной до зари.
Затаив на мгновенье дыханье,
Я смотрю, как парят, сизари.

Забелели на склонах фиалки,
Копошатся в траве мураши.
У детишек шары и скакалки –
Это праздник для русской души!

СОДЕРЖАНИЕ

Ратное поле	4
В Гремячем лесу тишина	6
Последнее пристанище	7
Отзвуки войны	8
Там родники и храмы святы	11
Я вернулся в край тихий, родимый	12
Выйду из дому рано	13
Слово о наставнике	15
Идти навстречу друг другу... ..	16
Поездка в столицу	17
Знакомство с творчеством Владимира Высоцкого	18
Перемещение по службе	21
На Крайнем Севере	23
Я на годы покинул родной уголок	24
Привычный маршрут	25
Мы с другом катим в Сусуман... ..	26
Чукотский евражка	28
О репрессиях и «голодоморе»	30
Исторический ракурс	31

СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

Расследование закончить в месячный срок	33
Трагедия в карауле	36
Следственный эксперимент	38
Исследование микрочастиц	41
Ночной вызов	45
Купите карабин	46
Расцветает родная сторонка	48

Художественно-публицистическое издание

Михаил Кузьмич Анисимов

Идти навстречу друг другу

Редактор Ольга Филиппова
Корректор Ольга Стригуновская
Вёрстка Петра Гасева

Издательство РОСА
Российское общество современных авторов
Главный редактор Галиченко Сергей Викторович

e-mail: 885533@mail.ru

<http://www.art-rosa.ru>

Гарнитура Times New Roman.
Подписано в печать 11.05.2019.
Электронное издание

Михаил Кузьмич Анисимов родился 17 сентября 1946 года в с. Комаревцево Чернянского района Белгородской области.

В 1965 г. окончил с золотой медалью Орликовскую среднюю школу, в 1970г. – юридический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Кадровый офицер, подполковник в отставке. Проходил военную службу в Вооружённых Силах СССР в Московском, Дальневосточном, Одесском военных округах. Служил на Крайнем Севере. Ветеран военной службы, инвалид войны. Имеет Государственные награды СССР. Был членом Союза юристов СССР. В настоящее время пенсионер МО РФ. Участник Российского общества современных авторов. Член Интернационального Союза писателей. Автор поэтических сборников:

- «Трудная дорога» (2005)
- «Грозы над Россией» (2008)
- «Вдаль уплыли мои острова» (2009)
- «Путеводная звезда» (2010)
- «Северное сияние» (2011)
- «Родная земля» (2012)
- «Небесный меридиан» (2015)